

После долгой холодной зимы на Хоам внезапно вернулась весна. Словно диво-дивное шла она по лесам и лугам.

Сначала повсюду капало с веток и сучков и под ногами была слякоть. Но за неделю солнце, светло и радостно пригревавшее землю

с почти безоблачного неба, успело всё высушить. На деревьях и кустах птицы запели весенний гимн оживающей природы: «Холод наконец исчез, радуется весенний лес», – и пробудили от зимней спячки тех, кто сам не проснулся ещё раньше.

В беличьем гнезде на вершине самого старого и высокого дуба в лесу – оно звалось вилаа «Дубовый лист» – ясным утром распахнулось окно и появилась метёлка для пыли. Кто-то энергично эту метёлку встряхнул. Золотистое облако пыли попало и растаяло среди ветвей.

Потом кто-то от души чихнул, и в открытом окне показалась голова госпожи Торопрыг, матери беличьего семейства. Она уже затеяла весеннюю уборку, потому что в вилау «Дубовый лист» проникла жёлтая пыльца зацветших дубов и покрыла всю мебель.

– Апчхи! – ещё раз провозгласила госпожа Торопрыг и высморкалась в платочек. Отложила метёлку, высунулась из окна и вдохнула свежий воздух. Будоражащие свежие ароматы весны проникли в её чувствительный нос.

– Ах, как хорошо! – вскричала белка и от счастья забарабанила передними лапами по подоконнику да так, что цветочные горшки заплясали.

Господин Торопрыг, отец белчьего семейства, напугался, подскочил: он только что задремал, как обычно, перед обедом. После зимы, в течение которой белки спали больше обычного, он всё ещё был не достаточно бодр, и много времени проводил в любимом кресле у камина.

– Охх, клянусь кисточками на ушах! – пробурчал он и озадаченно уставился на жену. – Что стряслось, любовь моя?

– Что стряслось? – вскричала госпожа Торопрыг и засвистела, как белки свистят от волнения. – Весна пришла! Взаправду и насовсем!

– Ты уверена? – протянул господин Торопрыг. – Мне показалось, только что по окну сильно застучал дождь! Славно в такую погоду иметь крепкую крышу над головой и сидеть в сухом домике!

И он, зевнув, откинул голову на подушку кресла и снова закрыл глаза.

Вскоре в просторной кухне виллы «Дубовый лист» закипела работа. Госпожа Торопрыг принялась готовить тесто по семейному рецепту – для вкуснейшего орехового кекса из размолотых желудей и лещины. По старинному беличьему обычаю в кекс следовало запечь лесной орех прошлогоднего урожая. Кто на празднике обнаружит в своём куске счастливый орех, того коронуют весенним венцом, да ещё и вручат замечательный подарок.

– Пойдём к реке, заглянем по дороге к бобрам, – решил отец, – Мне как раз припомнилось: поблизости от берега, перед самыми заморозками, я закопал там в мягкой почве горсточку орехов, это уж точно.

Бельчатам два раза повторять не пришлось, тем более что их ждала встреча с четырьмя ровесниками-бобрятами. Торопыги и боль-

шое семейство бобров из рода Борбор дружили с незапамятных времен, а поскольку бобры не могли забраться наверх в виллу «Дубовый лист», встречались они, как правило, на опушке леса или на речном берегу. Там расположился величественный Бобробург, окольцованный крепостным рвом, по которому в любое время года струилась вода.

И всё же белки задержались за гостеприимным угощением бобров. Столько всего хотелось друг другу рассказать после зимней разлуки. Господин Торопрыг приличия ради отведал свежей коры, которой было предостаточно, однако кружка бодрящего бобрового сбитня ему явно больше пришлась по душе.

Тем временем Вальдемар, Эмми и близнецы вскарабкались на сук, нависавший прямо над рекой. Оттуда они пытались дотянуться до воды и выловить кораблики из коры, которые так ловко запускали по течению бобрята – Бендикс, его сёстры и братик.

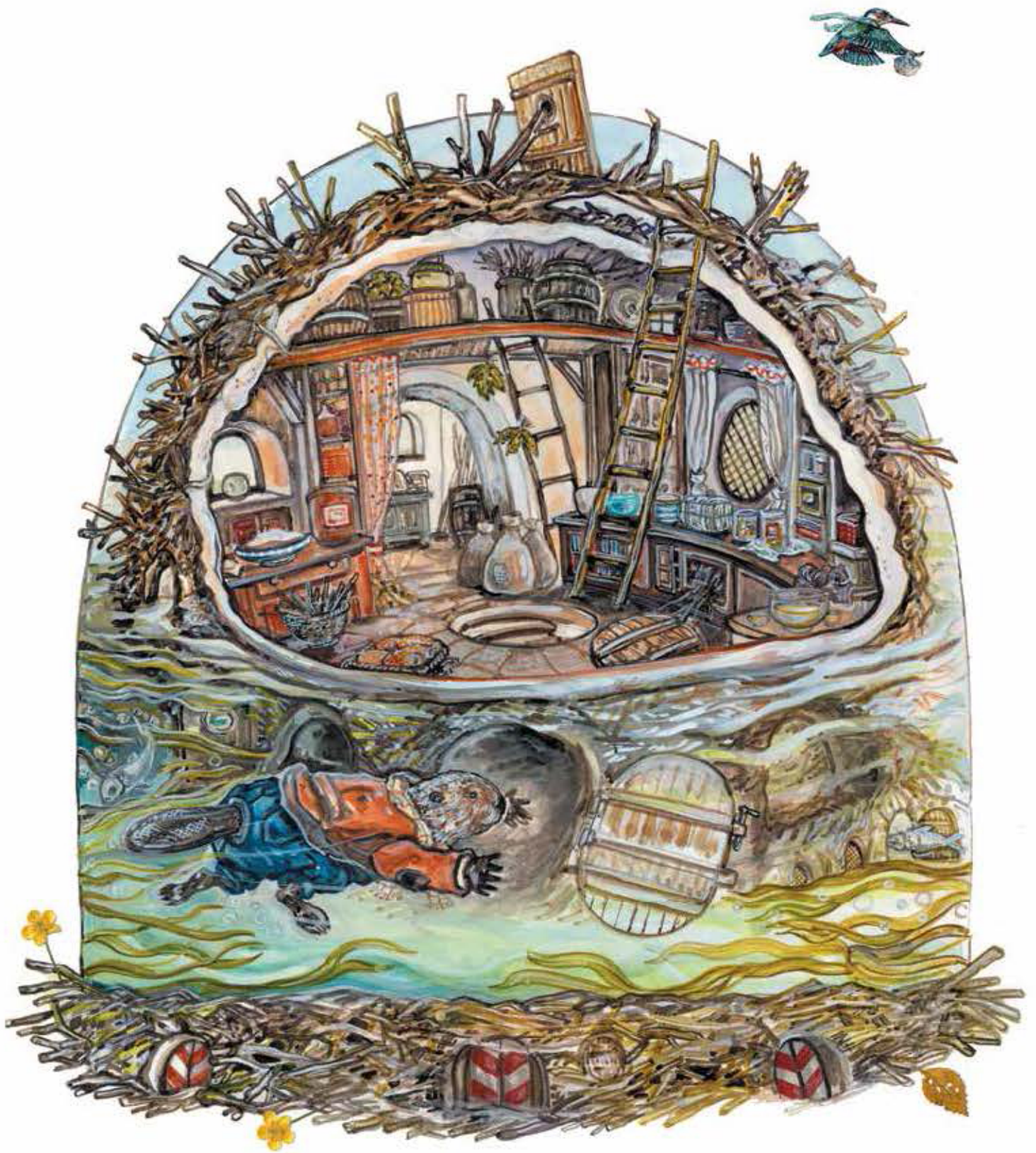

– Что ж, пора нам продолжить поиски, – сказала, наконец, глава беличьего семейства.

Его слегка упрекала совесть: он знал, что жена дома ждёт-не дожждётся счастливого ореха.

– Давай я проверю, не осталось ли чего в наших закромах, – с готовностью предложил Бото. – Помнится, на исходе осени братец Буркхард спилил большой орех. Может быть, парочка орешков так и осталась висеть на ветках, которые мы убрали в кладовую? Сейчас сплываю, посмотрю.

Миг – и бобр Бото исчез под водой, только хвостом плеснул. Он ловко подплыл к Бобробургу и нырнул в туннель, который вёл под водой к люку, а через этот люк можно было попасть в подвалы Бобробурга. Долго ждать не пришлось – вот уже Бото вынырнул и возвратился к гостям. Он помотал головой, встряхнулся, так что во все стороны с его гладкой шкуры полетели брызги.

– Просту прощения, – сказал он. – Ни одного ореха нигде не нашлось. Я всё внимательно осмотрел там, где они могли быть, но, к сожалению, ничего нет.

– Спасибо, что попытался помочь, – ответил господин Торопрыг и пронзительным свистом подозвал к себе Вальдемара, Эмми, Хазель и Пипса. Бельчата бегом примчались, а за ними по земле гнались, не поспевая, Борборы-младшие. Все они успели промокнуть до шерстинки.

– Дорогие мои, придётся нам ещё поискать, – сообщила бельчатам отец.

– Ох, – вздохнула Хазель и мордочка у неё вытянулась от огорчения. – Лучше бы ещё поиграть.

Её братишки и сестра тоже опечалились.

– А мы с вами вместе пойдём, тоже будем искать! – воскликнул Бендикс.

– Вместе мы уж точно орех найдём! – поддержала его сестричка Белла.

– Да, на земле мы хорошо умеем искать, – согласилась и Клара.

Один Кастор ничего не сказал, но и так ясно было, что он тоже в этом деле участвует.

– Решено! – кивнул папа Торопрыг и пообещал Берте и Бото на обратном пути проводить их ребятишек до самого Бобробурга.

И они двинулись в путь.

– Право, очень, очень странное яйцо, – заметила госпожа Торопрыг. – Внутри-то оно тёмно-коричневое.

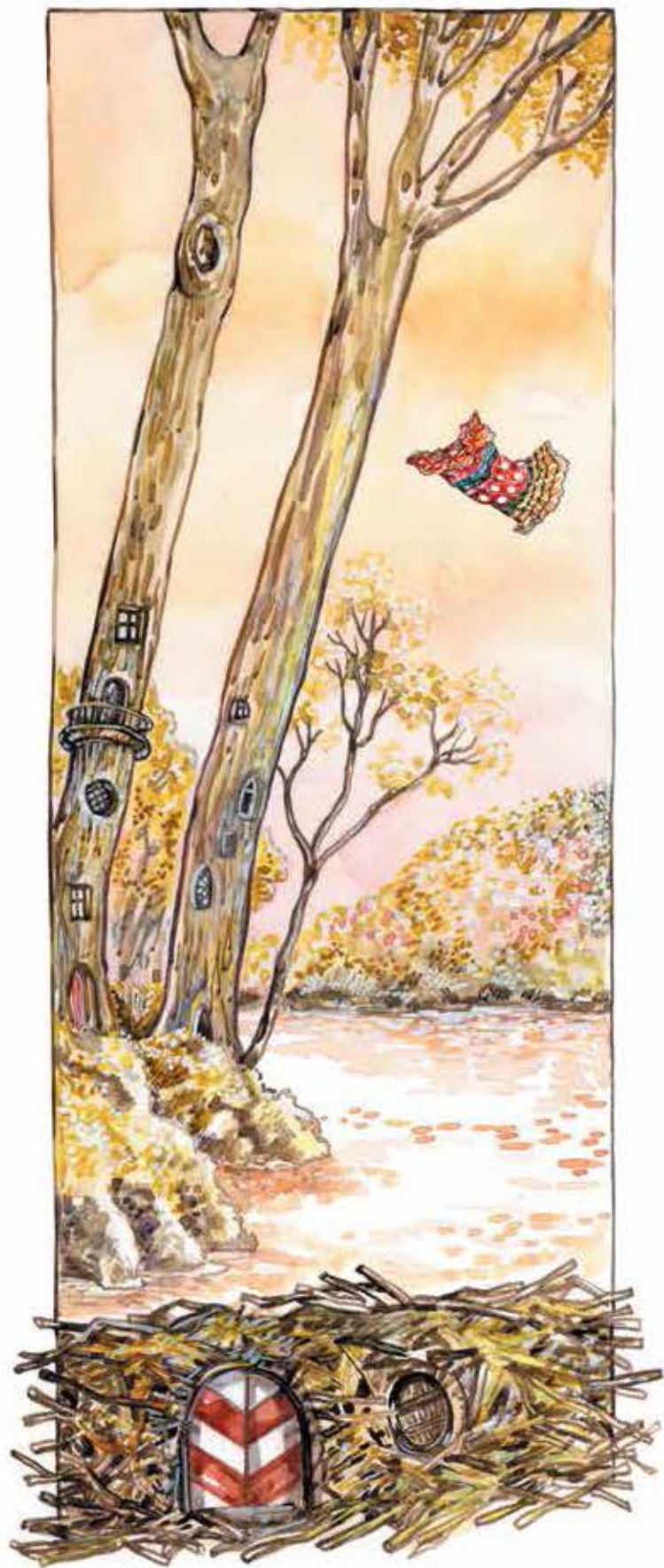
– Зато пахнет здорово! – Вальдемар почти уткнулся носом в это непонятное коричневое и вдохнул его аромат. – Немного даже орехом, кажется.

И он откусил кусочек.

– Вкуснотища! – воскликнул он, облизываясь. – И вкус, как у ореха, и ещё как у переспелой вишни. Только грызть не стоит, само на языке тает. Давайте разделим яйцо на много кусочков, чтобы все попробовали.

Намного позже, ближе к ночи, когда бобры и белки, наконец, распрощались, они расстались в уверенности, что нынешний праздник весны удался лучше прежних. И долго ещё и на вилле «Дубовый лист» и в Бобробурге вспоминали чудесное яйцо, снаружи пёстрое, а внутри коричневое, сладкое, немного липкое.

Бендикс уложил блестящую тонкую скорлупу среди прочих своих сокровищ и любимых игрушек, но сквозняк подхватил её, и скорлупка вылетела в открытое окно, ветер понёс над водой, через крепостной ров, и дальше, дальше – как будто порхал пёстрый и лёгкий, словно пёрышко, мотылёк.

Как-то вечером, примерно через неделю после весеннего праздника, Экберт Торопрыг возвращался домой от бобров. Он уже и до своего дуба дошёл и даже поднялся на первую ветку, но тут услышал внизу тихий шорох. Папа-белка посмотрел на землю и увидел Винфрида Востроуха, зайца-русака. Тот, по-видимому, направлялся к опушке леса, поужинать там на полянке.

– Привет, Винфрид! – воскликнул господин Торопрыг. И, спохватившись, попросил: – Подожди минутку! – ему на ум пришла одна мысль. – Я тебя долго не задержу, только кое-что хотел спросить.

Заяц вернулся к дубу, посмотрел наверх и приветливо кивнул Торопрыгу.

– Что ты хотел узнать? – спросил он.

– Бывают ли зайцы, которые откладывают яйца? – спросил господин Торопрыг и ему самому этот вопрос показался глуповатым. – Не здесь, не в нашей округе. Но где-нибудь далеко отсюда, в других местах – вроде бы я что-то такое слышал.

Господин Востроух внимательно, даже озабочено всмотрелся в своего собеседника, помотал ушами – зайцы здорово это умеют.

– Дорогой сосед, – ласково проговорил он, – послушай доброго совета старого зайца: не надо верить всему, что люди болтают. Много всякой чуши наговорят. Уж мы-то, зайцы, наслушаемся, с нашими длинными ушами. Доброго тебе вечера и передавай от меня привет супруге и детям!

Два длинных прыжка – и заяц исчез в подлеске. Господин Торопрыг некоторое время ещё смотрел ему вслед – Востроух вновь показался вдали, уже на краю лужайки.

